

В то же время некоторые исследователи убеждены, что именно мелкие предприятия наиболее легко и гибко приспособляются к изменениям на рынке, быстрее окупают затраты и дают прибыль [4].

На наш взгляд, наиболее правильный вариант выхода из данной ситуации заключается в поэтапной приватизации, передаче сельскохозяйственных предприятий эффективным собственникам. Возможно, это будут руководители и специалисты сельскохозяйственных организаций, а, может, и другие собственники. В любом случае, изменение формы собственности позволит разграничить функции государственного и хозяйственного управления и, безусловно, повысить эффективность отрасли. Процесс этот сложный и длительный. Чтобы создать нового эффективного собственника и сформировать правильное отношение к собственности, полагаем, потребуется не менее 5-10 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимов, В.Н. Экономическое развитие Беларуси на рубеже веков: проблемы, итоги, перспективы / В.Н. Шимов. – Минск: БГЭУ, 2003. – 229 с.
2. Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 годы. – Минск: Беларусь, 2005 – 96 с.
3. Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 №660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь».
4. Милосердов, В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее / В.В. Милосердов. – М: ГУП «Агропрогресс», 1999. – Ч.2. - 268 с.

УДК 130.2 + 316.72 + 008.001

СОВРЕМЕННЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.В. Донских

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются особенности становления современного регионализма как определенной концепции. На этой основе дается оценка перспектив регионализма для социокультурного развития Европы.

In the article describes peculiarities of the modern regionalism genesis as a concept. On this ground evaluates perspectives of Europe social and culture development.

Среди множества интеллектуальных течений и поветрий, пришедших на постсоветское пространство после распада Советского Союза, было одно малозаметное на первый взгляд направление – регионализм. В отличие от элитарного и шумного постмодернизма или претендующего на истину в последней инстанции неолиберализма

регионализм не любил менторского тона, не обладал развернутой теоретической концепцией, тяготеющей к новому «всепоглощающему» дискурсу, и не опирался на работы общепризнанных авторитетов типа Жака Деррида или Фрэнсиса Фукуямы. Регионализм скромно исходил из «практики жизни», рассматривал проблемы и оптимальные модели регионального развития и стимулировал региональную интеграцию. Не случайно, что в последнее двадцатилетие именно регионализм определил «тематизацию» многих отечественных исследований в экономике, социологии и политологии. Но провозглашение независимости албанской Республики Косово и вызванное этим оживление сепаратистских ожиданий и движений по всему миру от страны басков до Тибета радикально изменило ситуацию в отношении современного регионализма и высветило старые проблемы и пути их решения в принципиально новом свете.

Этимология слова «регион» возвращает нас к римскому культурному наследию. Латинское слово «regio» первоначально обозначало направление, затем – местность, округ, городской квартал. Легендарный республиканский Рим делился на четыре «округа-направления» – региона. В близком к современному значению термин регион стал использоваться со времен императора Августа. Умиротворивший Рим после многолетних гражданских войн Август в 7 г. до н.э. разделил Италию на 11 областей – «regiones», а Рим на 14 округов – также названных «regiones». Таким образом, понятие региона стало обозначать часть социально-политического и культурного целого – Италии и Рима, которые являлись центром цивилизации как таковой. Завоеванные же территории продолжали считаться подчиненными провинциями и не отождествлялись с собственно римскими и итальянскими регионами. С распространением императором Каракаллой в 212 г. римского гражданства на все население провинций, к тому времени в значительной степени романизированных или эллинизированных, понятия регионального и провинциального смыкаются. Провинциальная и региональная «вторичность» начинает преобладать над первоначальным равенством регионов по отношению к государственному «центру». Хотя еще при императоре Диоклетиане (284-305), разделившем империю на 12 диоцезов и 100 провинций, для Италии сохранялось традиционное деление на регионы.

Средневековое начало рассматривать регионы как самостоятельные территориально-административные образования. С одной стороны, латиноязычные средневековые элиты, сохранившие пietet по отношению к исчезнувшей Римской империи, смотрели на

варварские королевства как на части несуществующей империи, что отразилось в латинском названии королевства – «regnum», восходящем к латинскому «regio». С другой стороны, варварские королевские династии прекрасно осознавали свою независимость и рассматривали свои «региональные» королевства как полностью суверенные государства. Не случайно, что обладание властью – «regio» – было атрибутом всех независимых средневековых правителей: королей, герцогов, графов.

По мере формирования централизованных государств (первоначально сословно-представительных, а затем и абсолютных монархий) большинство европейских регионов в XVI – XVII в. стало их составными частями на правах провинций. Даже в склонной к шляхетской анархии Речи Посполитой в середине XVIII в. выделялось три провинции: Великопольща, Малопольща и Литва, со своими политическими центрами и интересами, властными элитами и культурными особенностями. Буржуазно-демократические революции конца XVIII в. и становление современных национальных государств потребовали не просто лояльности к правящей династии, но максимальной унификации социально-политической и культурной жизни «национально организованного общества». Как писал в 1789 г. революционер-либерал аббат Э.-Ж. Сийес: «Я давно уже чувствую необходимость заново поделить территорию Франции. Если вы упустите эту возможность сейчас, то она никогда более не представится и провинции навсегда сохранят свой провинциальный дух, привилегии, ничем не обоснованные претензии. Франция никогда не достигнет такой политической упорядоченности, каковая необходима для единой нации» [1]. В результате реализации «революционно-модернистского проекта» Франция оказалась поделенной на 83 департамента и 44 тысячи местных коммун. Провинции опять стали регионами – полностью сопоставимыми между собой, обладающими одинаковым правовым статусом неотъемлемыми частями одного национального целого.

Французский опыт «перекраивания» уникальных исторических провинций, античных «regiones» и средневековых «regnum» в однотипные территориально-административные единицы был использован почти всеми странами, ставшими на путь модернизации. Например, по словам У. Кимлика в XIX в. в США территории получали права штата лишь после того, как англоязычное население вытесняло или начинало явно преобладать над коренными индейскими племенами, испаноязычным или франкоязычным населением. Если же это оказывалось невозможно, то границы штатов изменялись таким

образом, чтобы не допустить концентрации индейцев и мексиканцев в границах одного штата [2]. Не случайно, что в американской политической саморефлексии даже понятие региона стало табуированным. Например, классический американский автор начала XX в. Ф.Д. Тёрнер, анализируя становление современных США через освоение и интеграцию новых регионов, принципиально не употреблял данный термин, а писал о «секциях в американской истории» [3].

Однако к середине XX в. тенденции к унификации и централизации в рамках национальных государств стали раскрывать свои негативные стороны. Практически исчез из обращения термин регион. Зато всем было известно пренебрежительное слово «провинция». Отныне «провинциализм» ассоциировался с бесперспективностью, отсталостью, вторичностью какой-либо территории относительно национального центра. Результатом явился отток населения и ресурсов из «провинций» в «столицы» и стагнация многих европейских регионов. Именно эту негативную тенденцию и был призван преодолеть современный регионализм XX века.

Во второй половине XX в. стало очевидным, что национальные государства не смогли преодолеть «провинциального партикуляризма» – этнокультурного своеобразия своих провинций. Феномен «провинциального партикуляризма» оказался амбивалентным. В своем этнографическом модусе – как местный историко-культурный и природный колорит – он скорее стимулировал национальное единство и внутренний рынок услуг. Но если регион сохранял свое ярко выраженное самосознание, отчетливую региональную идентификацию – образно говоря «концептуализированный ментальный модус» – регион имплицитно сохранял интенцию к отделению от национального целого. Более того, регионализм конца XX в. утратил свою связь с уровнем экономического развития. Традиционно в регионализме видели реакцию «бедных провинциалов» на экономические успехи «центров» и «столиц». Но пример испанской Каталонии или итальянской Ломбардской лиги свидетельствуют, что налицо новое явление – региональный «сепаратизм богатых».

В рамках современного регионализма часто выделяют два направления: «старый регионализм» и «новый регионализм». «Старый регионализм» (или «первая волна регионализма») проявился в научных исследованиях и внутренней политике западных стран в 50 – 60-х годах XX в. Он был связан с попыткой посредством политических и экономических реформ в рамках национальных государств расширить полномочия местных органов власти, усилить экономическую заинтересованность и финансовую самостоятельность регионов.

Главная цель «старого регионализма» заключалась в попытке поднять уровень развития депрессивных, бесперспективных и дотационных регионов, снять противоречие между «ведущими центрами» и «отсталыми регионами», национальными столицами и провинциями. По образному выражению немецкого ученого Д. Гердеса это было своеобразное «восстание провинций», принявшее преимущественно культурные формы возрождения этнических традиций и местных диалектов [4]. Сторонники регионализма принимали активное участие в процессе европейской интеграции. Их идеалом являлась т.н. «Европа регионов» – большое социально-культурное и экономическое пространство из множества самобытных регионов, наконец-то распрощавшихся со своей «вторичностью» в рамках классических национальных государств.

«Новый регионализм» («вторая волна регионализма») стал заметен в 80-90-х годах XX в. Он был обращен к проблемам региональной (межгосударственной) интеграции и региональному сотрудничеству. Здесь уже речь шла не просто о евроинтеграции, но формировании в рамках Европейского Союза межгосударственных объединений (концепты «евразийского пространства» и «Центрально-Восточной Европы», Вышеградская группа (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) и Союзное государство Беларуси и России, альтернативные проекты «нордизма» и «скандизма» и т.п.).

Промежуточное положение между «старым» и «новым» регионализмом в Европе занимают «еврорегионы». Их создание началось в 80-х годах XX в. на основе межправительственных соглашений европейских государств. Они включали в себя территориально-административные единицы по обеим сторонам границы. Еврорегионы рассматриваются как сферы сотрудничества приграничных местных властей и сообществ с целью укрепления добрососедства и развития взаимовыгодного сотрудничества в сфере экономики, охраны природы и культуры. Исторически именно эта форма регионализма первой пришла в Центрально-Восточную Европу. С 1991 г. началось активное создание еврорегионов на пограничье бывших социалистических стран. Только вдоль границ Польши было создано 15 еврорегионов, в том числе 2 с участием белорусских регионов: «Еврорегион Буг» и «Еврорегион Неман».

Таким образом, актуализация «регионального дискурса» может рассматриваться как один из «мегатрендов» применительно к пространству западной цивилизации в широком смысле этого слова. С социально-экономической точки зрения это дает дополнительные шансы и возможности для «возрожденных» и/или «вновь

сконструированных» регионов. С политической точки зрения все не так радужно, поскольку культурное наследие «исторических провинций», всегда существующая интенция к трансформации «regio» в «regnum» и ставшее с начала XX в. «самоочевидным» право наций на самоопределение детерминируют имплицитную угрозу сепаратизма. Однако представляется, что для стареющей Европы эта проблема не будет иметь определяющего значения в ближайшей перспективе. Ввиду отсутствия «демографического ресурса» для превращения этой потенциальной угрозы в актуальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тырсенко, А.В. Аббат Э.-Ж.Сийес (1748 – 1836). У истоков французской либеральной идеологии / А.В.Тырсенко // Новая и новейшая история, 1998, № 6. – С.88 – 111.
2. Кимлика, У. Федерализм и сепаратизм: Восток и Запад / У. Кимлика // Ab Imperio, 2000, № 3 – 4. – С. 28.
3. Тёрнер, Ф.Д. Фронтир в американской истории / Ф.Д. Тёрнер. – М.: «Весь Мир», 2009. – С. 13 – 21, 247 – 252.
4. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начало XVIII века / А.С. Мыльников. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С.327 – 328.

УДК 338.124.4 (73+4)

SYNCHRONIZATION OF THE ECONOMIC FLUCTUATIONS DURING THE CRISIS AND ECONOMIC BOOM IN THE UNITED STATES AND THE SELECTED COUNTRIES OF THE CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Marcin Idzik

Faculty of Economic Sciences
Department of Economics of Agriculture
and International Economic Relations
Warsaw University of Life Sciences – SGGW

The work presents the notion of “contagion” as one of the paths of transmitting international economic crises. It presents the results of the analysis of the synchronization of the changes in economic activity in the United States and in the Slovak Republic, Poland, Czech Republic, Russian Federation and Hungary economies during the crisis periods. We observe high similarity in the course of the fluctuations of the economic activity in the studied countries with the economic fluctuations in the United States. During the crisis, the correlation between the infected economies and the economy which is regarded as infecting is stronger than in the period of economic growth. The range and the magnitude of the fluctuations are bigger than it is suggested by the classic effect of transmission of the fluctuations.

Introduction

At present, it is becoming more difficult to find economies which have a closed character. There is also a clear tendency of individual countries and